

ТАИНСТВЕННАЯ
НЕЗНАКОМКА

Несколько лет назад в селе Рыбницы появилась женщина. Единственное, что отличало ее от привычных тут дачников, — уж больно часто видели ее в церкви. Через какое-то время женщина (ее все звали Зинаида) исчезла. Откуда приезжала, куда уехала — неизвестно. О ней бы, наверное, и не вспомнил никто, если бы однажды к правнучке Опекушиной, Ирине Николаевне Морозовой, которая постоянно живет в Рыбницах, не подошла, опять же в храме, одна здешняя жительница и не передала скромную папку, оставленную Зинаидой.

В папке лежало несколько листов, исписанных аккуратным круглым почерком. Потом мы тщательно, не торопясь рассмотрели их вместе с директором музея Опекушиной Ириной Ивановной Зенкиной — перед нами было архивное дело священника здешней церкви отца Николая (Николая Петровича Орлова), расстрелянного в 1937 году.

Если точнее — фрагменты дела, изученного автором, судя по всему, очень подробно.

Первый вопрос, который напрашивался сразу: кто эта Зинаида? Из бумаг было ясно одно: отцу Николаю она не родственница. Тогда почему так внимательно и, похоже, очень долго занималась его расстрельным делом? Может быть, она работала в архивах в научных целях? Но зачем тогда такая таинственность? Родились слухи, что Зинаида хотела снять с души какой-то грех — то ли свой, то ли близкого ей человека. Бог ее знает!

ЕЩЕ ОДНА ПАПКА

Все, что случилось с отцом Николаем, не будет, впрочем, до конца понятно, если не обратиться к временам совсем уж дальним. Передо мной, когда я пишу эти заметки, еще одна папка — Ирины Ивановны Зенкиной. В связи со своими музейными делами она изучает не только жизнь и творчество знаменитого скульптора, но и всю опекушинскую округу: его родные места, людей из его ближнего и дальнего окружения. Так в поле ее зрения попали и священники Орловы, несколько поколений которых служили в рыбницкой церкви.

Опекушин вернулся в родные места из голодного Петрограда в 1920 году и через три года умер. Сопоставив даты, получается, что отпевал знаменитого скульптора именно отец Николай Орлов. Приход в Рыбницах достался ему в 1911 году от отца, Петра Гурьевича Орлова, прослужившего в Рыбницах 41 год, с 1870 года.

был определен в село Петропавловское, километрах в пятнадцать от Рыбниц, в народное училище (Орловы еще и учили!). Потом старый и больной отец попросил его принять приход в Рыбницах, и в 1911 году в церковной летописи при чем-то погребении впервые появляется имя священника Николая Орлова.

Вступлению в должность предшествовала, как и положено, женитьба. Родились дети — два сына и две дочери.

А дальше наступил тот самый злополучный день 1930 года, немудреные события которого с величайшими подробностями запечатлены в архивном деле, найденном директором опекушинского музея. Не удивляйтесь их малости — каждое лыко потом оказалось в строку.

Дело отца Николая

«Факты» выглядят так. 8 января, на второй день Рождества, колхозник П. встретил середняка Б. и бедняка К. Втроем зашли к священнику, посидели. Как говорится в архивном деле, в ходе беседы П. стал критиковать батюшку, а Б. и К. всячески его поддерживали, говоря: «Тебе попа не надо, а нам надо» (в документе последнее подчеркнуто красным карандашом).

Наконец гости ушли, отец Николай остался дома. По дороге середняк Б. ни с того ни с сего ударил колхозника П. кулаком по лицу. П. побежал обратно в дом священника и спрятался в сенях под лестницу. Б. его нашел и стал избивать. Драку пресек какой-то Р.

Вот и все, что было. Кто бы мог подумать, что такое, с позволения сказать, событие окажется первым в цепи многих последующих, да каких! Но читаем дальше.

Через несколько дней Б., К. и отца Николая (!) вызывают в село Бор, в районное отделение милиции, усмотрев в происшедшем... классовую месть. При этом вопреки всякой логике Б. и К. отпускают под подписку, а отца Николая берут под стражу.

21 января к дому, где содержался задержанный священник, прибыла, как говорится в деле, «толпа с топорами, около 70 человек», явно «организованная». Приведенные тут же показания свидетелей, впрочем, вносят существенную поправку. Александра Карасева, 50 лет, из деревни Свечкино, вдова, 7 человек детей: «Топила печь, услышала крики, что забрали священника. Дотопила печь и застала в Бору человек 40, которые требовали от нас, чтобы мы отдали священника...»

же указывал: «был оправдан», но те, первые слова имели, видимо, тогда большее значение, потому что, как вспоминали потом его дочери, начались скитания по квартирам: из Рыбниц в Овсянники, из Овсянников в Рыбницы.

Находить новое пристанище каждый раз становилось все труднее, предоставить кров опальному батюшке — значило подвергать опасности свою семью, и однажды священник «попросил старосту церкви оборудовать кладовку в одно окно, сделали нары и там... жили».

Маленькая пристройка к церкви — та самая кладовка — сохранилась до наших дней. Кто-то из прихожанок недавно вычистил ее, вымыл, и сейчас в Рыбницах ее зовут «келья отца Николая». Иногда нынешний священник ос-

ДЕЛО С9514

Материалы архивного дела, начатого 5 июня 1937 года, позволяют восстановить все по порядку.

Дело заведено по обвинению Орлова Николая Петровича и Введенского Николая Васильевича, жившего в селе Петропавловском. «Сын служителя культуры, бывший дьякон», а на тот момент нигде не работающий, Введенский имел несчастье принимать в гостях отца Николая. Были еще кто-то, на основании свидетельства которых Орлову приписали весьма опасные слова: «сами залезли рабочему и колхознику среди бела дня в карман», «жаль народ, бедняков, они все страдают в данное время» и т. п.

церковников в количестве 10 человек, возглавляемую Н. П. Орловым. Во-вторых, факты двух предыдущих арестов по таким-то статьям — за что вы думаете? «За антикоммунистическую агитацию с амвона церкви» и «хулиганские действия». Рядом, правда, написано, что «через 2 — 3 месяца он был тогда освобожден». Но не «оправдан», как было на самом деле, а «освобожден», чувствуете разницу?

После этого тройке оставалось лишь усилить некоторые акценты — и обвинительное заключение было готово.

«Выписка из протокола № 5 судебного заседания тройки управления НКВД Ярославской области от 25 августа 1937 года.

Слушали: (сержанта) Б. Сольского РОНКВД. Орлов Н. П.,

рез него бросало тень на Орлова, «сомнительно».

Дальше идет протест в порядке надзора от 31.12.1959: постановление тройки отменить и дело производством прекратить за отсутствием состава преступления.

5 августа 1959 года Борис Николаевич Орлов расписался в получении известия о смерти отца.

«ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЕ
ЗА НЕТОЧНОСТЬ»

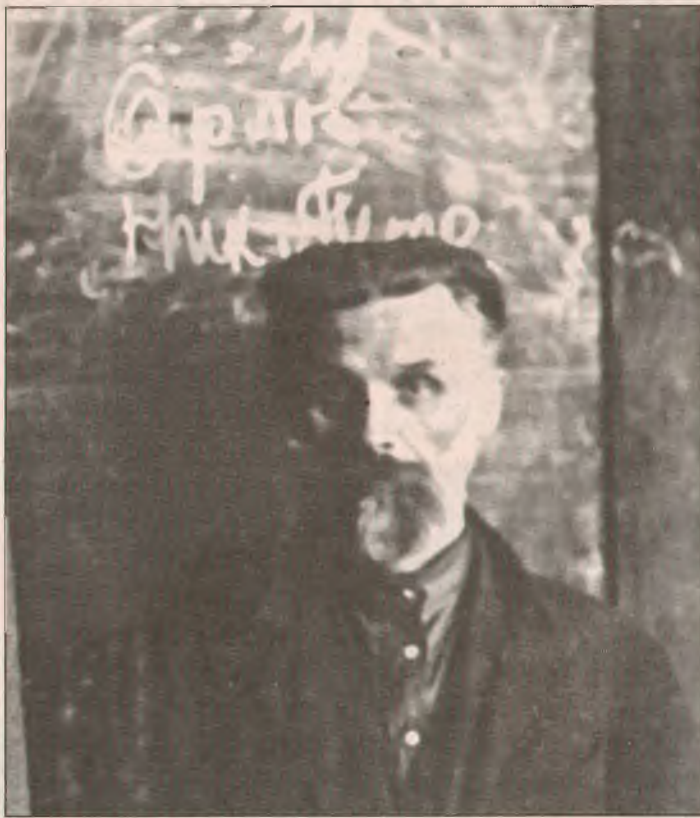
Через полгода пришла справка областного суда о прекращении дела, 29 февраля 1960 года Николай Петрович Орлов был реабилитирован — все подчеркнуто делалось по правилам. Но чем дальше, тем больше родным становилось ясно, что правду они все еще не знают. Шло время. В начале 1990-х хлопоты продолжают дочери, и вскоре Музе приходит очередной ответ. Разорвав конверт, она быстро пробегает глазами строчки на официальном бланке: «31 марта 1992 года. Ваш отец, Орлов Н. П., погиб 25 августа 1937 года. Приносим извинение за неточность в оформлении свидетельства о смерти, допущенную работниками ЗАГСа. Оформляется новое свидетельство, которое будет выслано Вам».

Но окончательно все стало ясно, когда в ноябре 1994 года пришел ответ Фивы. Перед нами ксерокопия той самой справки из прокуратуры области «О признании пострадавшим от политических репрессий». В ней говорится, что она, Фива Николаевна, является дочерью Орлова Николая Петровича, 1881 года рождения, репрессированного 25 августа 1937 года постановлением тройки УНКВД и подвергнутого расстрелу.

В архиве сохранился и такой документ: «27 декабря 1996 года КГБ предложил отделу ЗАГСа Некрасовского района исправить запись «смерть от паралича сердца 5 августа 1942 года» на: «26 августа 1937 года расстрел».

И ЗЕЛЕНЕЕТ ЛУГ

Семьи Орловых и Опекушиных испокон веку жили рядом. Когда престарелый скульптор вернулся в 1920 году из Петрограда на родину, они, как пишет Муза, «были в хороших отношениях». Сегодня его могила на кладбище у церкви, в которой 26 лет (с 1911 по 1937 год) служил, а в последнее время и жил отец Николай. Тут же могила внука Опекушина — многолетнего директора Рыбницкой школы Николая Владимировича Опекушина и его жены Анны Павловны, у которых училось все окрестное население и которых в их и со временем с ним деревнях их учени-

тавляет в ней на ночь лампочку, и свет маленького окошка, пробиваясь сквозь гущу зелени, виден издалека.

Однако вернемся в тридцатые годы. Дети выросли и разъехались. Муза — единственная из детей, кто оставался в Рыбницах, когда в селе опять начались аресты.

Ситуацию усугубляло то, что встречу у Введенского квалифицировали как «сборище церковников», и, естественно, что к дважды «засветившемуся» раньше отцу Николаю было проявлено особое внимание. Кто ходил к Орлову, что говорил Орлов — показания свидетеля Г. заняли аж 12 страниц!

служитель культуры, подвергался за контрреволюционную деятельность, судимый за хулиганство, участник контрреволюционной церковной группы, участвовал в антисоветских сборищах.

Постановили: Орлова Николая Петровича расстрелять».

Постановление тройки было приведено в исполнение 26 августа. Введенский также был приговорен к расстрелу.

СЕМЬЯ «ВРАГА НАРОДА»

«Мы всегда скрывали, что папа был священником, говорили, что был учителем. Боялись стука в дверь, шороха ночью. Было все: поражение в правах, невозможность учиться, где хотели, такова была участь детей «врагов народа»...»

Через год после гибели отца мама переехала в Ярославль к родственникам старшей дочери Фивы, вышедшей к тому времени замуж. Мама подрабатывала шитьем и ходила в «серый дом», делала запросы, но ей ничего не выдали. Был человек и не было человека. Затем приехала Муза и увезла маму в Выборг, потом в Новгород, где мама и умерла в 1971 году» (из воспоминаний дочери).

Впрочем, свидетельство о смерти все-таки пришло еще при жизни Ольги Александровны в 1959 году. Его пошел получать сын Борис. В нем говорилось, что Орлов Николай Петрович умер в 1942 году от паралича сердца. Секретарь, которая его выписывала, сказала с удивлением, что выписывает в последнее время сотни таких свидетельств и во всех почему-то указан один и тот же год и одна и та же причина смерти.

людей из его ближнего и дальнего окружения. Так в поле ее зрения попали и священники Орловы, несколько поколений которых служили в рыбацкой церкви.

Опекушин вернулся в родные места из голодного Петрограда в 1920 году и через три года умер. Сопоставив даты, получается, что отпевал знаменитого скульптора именно отец Николай Орлов. Приход в Рыбницах достался ему в 1911 году от отца, Петра Гурьевича Орлова, прослужившего в Рыбницах 44 года, стало быть, крестил будущего скульптора не кто иной, как Петр Гурьевич. В истории Рыбниц есть сведения о Гурии Орлове – рукоположенном в 1839 году. А самый первый Орлов – Николай Афанасьевич – в совсем уже незапамятные годы был священником в соседнем селе Бор.

– Больше ста лет династия Орловых крестила, венчала, соборовала все местное население. Буквально каждого Орловы держали в своих руках. Каждого! В самом прямом смысле этих слов, – замечает Ирина Зенкина. – Отсюда и особые отношения, которые сложились между рыбацкими жителями и их священниками. Когда Николая в первый раз в 1930 году арестовали, они ведь с топорами бросились его защищать.

Да, до 1937-го было еще одно, более раннее дело. Но обо всем по порядку. Документы из обеих папок я дальше не разделяю, в чем-то они дополняют друг друга, а общая картина выглядит так. Как его отец и дед, Николай Петрович Орлов окончил Ярославскую духовную семинарию и

21 января к дому, где содержался задержанный священник, прибыла, как говорится в деле, «толпа с топорами, около 70 человек», явно «организованная». Приведенные тут же показания свидетелей, впрочем, вносят существенную поправку. Александра Карасева, 50 лет, из деревни Свечкино, вдова, 7 человек детей: «Топила печь, услышала крики, что забрали священника. Дотопила печь и застала в Бору человек 40, которые требовали попа на поруки. С топорами прибежали из лесу женщины, рубившие лес». Но в тонкости никто не вникал.

В протоколе допроса потерпевшего П. тоже нет ничего опасного для отца Николая: «Разговор на политическую тему со священником не было». Но батюшку все же везут в окружное ОГПУ, где он заявляет: «Если бы драка была при мне, я разнял бы», «Против власти не агитировал, а следовал указаниям апостолов: нет власти аще не от Бога».

Тем, кажется, и завершилось. Но...

«СУДИМ»,

«ПРИВЛЕКАЛСЯ»

Через три года на отца Николая завели еще одно дело – нарксуд судил его за... хулиганство. Подробностей не сохранилось, известно только, что, как и первое, дело закончилось ничем. В юридическом смысле. А фактически батюшка писал теперь, как полагаюсь, во всех анкетах: «судим», «арестовывался», «привлекался по таким-то статьям». Тут

тавляет в ней на ночь лампочку, и свет маленького окошка, пробиваясь сквозь гущу зелени, виден издалека.

Однако вернемся в тридцатые годы. Дети выросли и разъехались. Муза – единственная из детей, кто оставался в Рыбницах, когда в селе опять начались аресты.

*«Орлов Николай Петрович,
1881 года рождения, репрессированный
25 августа 1937 года, постановлением тройки
УНКВД подвергнут расстрелу».
(Из справки областной прокуратуры.)*

Шел июнь 1937 года. «Его арестовали ночью, взять ничего не могли, так как у нас ничего не было, только книги».

После ареста отца Николая Муза с мамой продолжали жить, как она пишет, «в церкви», то есть в церковной кладовочке. А когда «оттуда выгнали, приютила одна женщина в Рыбницах». До рокового августовского дня 1937 года оставалось совсем немного, но что они знали? Ничего. Наверное, только чувствовали.

«25 августа поехали с мамой в тюрьму (он сидел в Коровниках), – вспоминает Муза, – повезли салоги, подушечку, как он просил. Но у нас ничего не приняли, сказали маме, что его выслали ночью на 10 лет без права переписки, а его в эту ночь расстреляли».

Ситуацию усугубляло то, что встречу у Введенского квалифицировали как «сборище церковников», и, естественно, что к дважды «засветившемуся» раньше отцу Николаю было проявлено особое внимание. Кто ходил к Орлову, что говорил Орлов – показания свидетеля Г. заняли аж 12 страниц!

Новгород, где мама и умерла в 1971 году» (из воспоминаний дочери).

Впрочем, свидетельство о смерти все-таки пришло еще при жизни Ольги Александровны в 1959 году. Его пошел получать сын Борис. В нем говорилось, что Орлов Николай Петрович умер в 1942 году от паралича сердца. Секретарь, которая его выписывала, сказала с удивлением, что выписывает в последнее время сотни таких свидетельств и во всех почему-то указан один и тот же год и одна и та же причина смерти.

Впрочем, во многих местах еще оставались старые кадры. Когда Борис пошел с этим свидетельством в прокуратуру, чтобы узнать, где похоронен отец, ему ответили открытым текстом: если будешь и дальше ходить и интересоваться, то сам туда пойдешь.

Между тем в архиве сохранились документальные свидетельства этого времени, надо сказать, не менее выразительные. Оказывается, обращения Ольги Александровны по поводу судьбы мужа все-таки запустили некий невидимый механизм – как-никак дело происходило после XX съезда партии. По ее жалобе в 1959 году прокуратура затевает проверку. Поднимаются старые дела, свидетельские показания изучаются снова. Устанавливается, что показания одной свидетельницы «не содержат данных о связях Орлова с другими обвиняемыми», показания еще одного свидетеля «путаны и не точны», кто-то и вовсе не был знаком с Введенским, а значит то, что че-

ных испокон века жили рядом. Когда престарелый скульптор вернулся в 1920 году из Петрограда на родину, они, как пишет Муза, «были в хороших отношениях». Сегодня его могила на кладбище у церкви, в которой 26 лет (с 1911 по 1937 год) служил, а в последнее время и жил отец Николай. Тут же могила внуки Опекушина – многолетнего директора Рыбницкой школы Николая Владимировича Опекушина и его жены Анны Павловны, у которых училось все окрестное население и которых в селе и соседних с ним деревнях их ученики помнят до сих пор. В первом-четвертом классах у них учились и дети Орловых.

А жизнь идет. Ветшает церковь, над входом висит табличка: «Осторожно, падают кирпичи». Но после долгого забвения вернулась память о скульпторе Опекушине, восстанавливаются во многих городах памятники его работы, когда-то порушенные. Отец Николай (Николай Петрович Орлов) решением Русской православной церкви признан святым и мучеником, а день его гибели 26 августа в православном календаре называется теперь днем священномученика Николая Рыбницкого.

Но это уже другая жизнь – та, что дается не каждому человеку. А в нашей, знакомой всем остальным жизни улыбается нам с порога правнучка Опекушина Ирина Николаевна, и бегает по рыбацкому приволью его правнучки. И зеленеет луг, где любил гулять и играть в мяч со своими детьми Николай Петрович Орлов. Вечная ему память.

Татьяна ЕГОРОВА.